

«ЛЮДИ И БОГИ» (многокнижие)

«Люди и боги» — основная книга Юрия Влодова. Он начал писать стихи для нее в середине 70-х и продолжал потом всю оставшуюся жизнь, пополняя ее несчетным количеством стихотворений.

В предлагаемой подборке лишь часть творений из этой книги.

О чем она? О вечных вопросах. О Боге и Дьяволе, о Христе и Иуде, а также о евангельской блуднице Марии-Магдалине. О любви и ненависти, о преданности и предательстве, о жизни и смерти. О взаимоотношениях Бога и человека, Бога и Дьявола, различных коллизиях и перипетиях судеб земных и судеб небесных. Это грандиозная эпопея, некое досье на человечество, а также, как ни странно, и на Бога. Это своеобразная Библия, Евангелие от Влодова. Может, по этим стихам и будут судить человечество на Страшном суде. А может, это некое новое Евангелие для новой жизни?

ПРЕДКНИЖЬЕ. «Я ЗАГЛЯНУЛ В ЗЕРЦАЛО БЫТИЯ...»

* * *

Я заглянул в зеркало Бытия...

Прозрачный звон слегка коснулся слуха...

Чу! — за спиной стояла побируха!

«Ты — Смерть моя?» — едва промолвил я.

«Я — Жизнь твоя...» — прошамкала старуха.

* * *

Кто толчется у дверей
Шито-крыто, как еврей?
Кто там круть, да верть? —
Ты, подруга Смерть?

«Не бойсь, что я с косою,
Не дичись, что глаз косою...
Я не Смерть, а Жизнь!..
Что, признал, кажись?!..»

* * *

Мне назойливая муха надоела,
До отвала попила меня, поела,
И над ухом, ненасытная, жужжит...
Мне противно, я устал, как Вечный Жид.

Кто-то сзади кашлянул и молвил глухо:
«Отче правый! Ну какая это муха?
Вас послушаешь — хоть со смеху ложись!
Это Жизнь, мой неразумный! Это — Жизнь!»

* * *

Я ворону крикнул: «Здорово, старик!»
Но ворон степной не услышал мой крик.

Я крикнул утесу: «Здорово, старик!»
Гранитного слуха не тронул мой крик.

Я солнышку крикнул: «Будь славен твой век!»
И ветер ответил: «Молчи, человек!»

* * *

Бурый ворон! Пропащая птица!
Сердце сковано высю.
За веками размыта граница
Между смертью и мыслью...

Жизнь — долга. Да и степь — не короче.
Страшен крест милосердя!..
Смертной пленкой подернуты очи...
Пропадешь от бессмертья!

* * *

Обшарпан и нелеп, как силосная башня,
Незрячий спросил: «А что там, за холмом?»
Чур, знаю — не скажу. Но, ежели с умом
Не всё ли нам равно, а что там — за холмом, —
Не ведает никто... Наверно, просто — пашня...

* * *

«Как хороша над морем лунность!» —
Вздыхала юность.

«Я пью за дружество и смелость!» —
Басила зрелость.

«Умрете все!» — глотая ярость,
Шипела старость.

* * *

Среди катастроф и смещений
И прочих космических дел,
Вигает лирический гений, —
Какой допотопный предел!

Осины осенняя алость...
Овражек звенит ключево...
Попробуй убрать эту малость —
И в Космосе нет — *ничего*.

* * *

Считай судьбу наукой
Чу! — среди ночных миров
Ты подтверждаешь мукой,
Что жив ты и здоров.

Ты должен свежей болью
Примять былую боль...
Присыпать раны солью...
Не в том ли жизни соль?!..

* * *

Со скоростью света наука
Ворвется в трехтысячный год.
А древность со скоростью звука
Конечно же, в Лету падет.

Но ты содрогнешься, потомок,
Когда через сердце твое
Державинской оды обломок
Пройдет, как живое копьё!

* * *

Торчало солнце смешным бутром,
Был лес, как витязь, рекой обвязан,
Но в ясном небе прогаркал гром:
«Рожденный ползать — взлететь обязан!!..»

Рванулся к небу ползучий гад!..
Прижала гада земная сила!..
Цикады прянули наугад...
Лягуха в травах заколесила...

Не дай нам, небо, земных наград!

* * *

Судьба Венере обрубилa руки,
Чтоб не ласкала смуглого подпаса,
Чтоб не хлебнула бабьего позора,
Чтоб не стонала: «Я — твоя рабыня!..»

* * *

Венера ударила бога
За то, что лобзался убого.

Венера ударила черта
За то, что трезал непритерто.

За вечные женские муки
Отсохли Венерины руки.

* * *

Причастный тайнам, плакал ребенок.

А. Блок

Природы звериного слуха
Коснулся полночный покой,
Когда серебристое брюхо
Провисло над черной Окой.

Сопели зубатые в норах,
Храпели подпаски в кустах,
Солдаты, хранящие порох,
Клевали на эн-ских постах.
И только презренная рыба,
Брыластый, напыщенный сом,
Как некая гибкая глыба,
Возникла в свеченье косом.
И молча вбирали друг друга,
К сторонним делам не спеша,
Душа серебристого круга
И спящей планеты душа.
А в куче пахучих пеленок,
В лесной деревеньке Сычи,
Причастный всем тайнам ребенок,
Заухал, зашелся в ночи!...

* * *

Алкаш в этот вечер не принял ни грамма.
Развратник постился под сводами храма.
Безрукий до хруста постельницу стиснул.
Безногий притопнул и дико присвистнул.
Немтырь проорал мировую хулу.
Слепец в поднебесье заметил юлу,
Манящую смутным небесным приветом,
Воспетую неким бездомным поэтом...
А мудрый прохожий решил, что она,
Всего лишь — луна...

* * *

Пустыню искрами осыпал НЛО!..
Ночная мгла забилась, как в падучей!..
Запела Соломоновой пастушкой,
Заплакала подраненным ребенком,
Разбойником безбожным рассвисталась!..

Крысиный писк растаял в пыльном небе...
Сухая пыль осыпалась во тьме...

Иуда от подземного толчка проснулся,
Замычал от скотской боли,
Оперся на руки: о-о! Два тупых гвоздя
Торчали в очугунненных запястьях!
Хотел вскочить: о, каждая ступня
Пылала, точно чертово копыто,
Как если б капли олова прожгли
И шкуру, и растянутые жилы...
Он сипло возопил: «Я трижды прав!
Ты лицемер! Ты подлый искуситель!
Трусливый и разнузданный ханжа!..»
И рухнул, омываясь липким потом,
И терся лбом о скомканное ложе...
Заметил на подушке — кровь, а не пот,
Кровь, а не пот! И потерял сознание!..
И захрипел... И где-то взвыл кобель...

Я счастлив, мой тринадцатый апостол! —
По школьному незрячая любовь...
Прощаю слепоту и глухоту,
Твой бред ночной улыбкой отгоняю,
Целую руки искаженные твои,
Ступни твои дыханьем охлаждаю...
К тому же не забудь, что НЛО,
Лишь плоская вселенская тарелка
Из плоских местечковых анекдотов!
А я — увь! — программа НЛО! —
Я — вымысел носатого народа!
А разве можно вымысел предать?
И нет гвоздей в твоих запястьях детских...
И ноженьки усталые стройны...
Спи, мой дружок, все будет хорошо!
А я подсяду к старому торшеру
И закурю. И все начну сначала.

Пустыню искрами осыпал НЛО!..

ГОМЕР, БЕТХОВЕН, ПРИРОДА И АВТОР

*Природа слепая,
Как всевидящий мастер Гомер...
Природа глухая,
Как всеслышающий мастер Бетховен*

Гомер — незряч. От жизни отлучен.
И потому Христа провидит он.
Он только написать его не смеет
(Быть может и захочет — не сумеет)...
Христос на раны круто сыплет соль,
Черны речей подземные ключи,
Вокруг него растет из боли боль,
И в страхе суетятся палачи.

Бетховен, так сказать, безбожно глух,
А потому имеет высший слух!
И он импровизирует Христа...
Журчат речей арычные ключи...
Душа Христа — расхристанно проста,
И от души смеются палачи...

Слепа, глуха, но дерзостна Природа! —
«Пришелец тот был неземного рода! —
Не зря трещали сполохи в ночи!..
Все было, есть и будет — под вопросом!..
Но знайте: под мистическим гипнозом
Бессмертный крест вбивали палачи!..»

А где же автор? — что добавит он?..
...Родился я и погрузился в сон...
Я был своим рождением изнурен и усыплен...
Судьбы моей орбита мерцала, как молочная река...
Но видел я — сквозь веки — сквозь века —
Тебя, иконописная доска! —
Безвольное лицо гермофродита
С отметиной проказной у виска...

И он предостерег меня перстом!..
И понял!.. Но это все — потом...

* * *

Над пышностью искусств, над сухостью наук,
Как будто где-то вне...в абстракции...вдали...
Вселенство во плоти, настырно, как паук,
Сосет из года в год живую кровь Земли...
Спаси людей, любовь, от непотребных мук! —
От жизни исцели! — от смерти исцели!...

КНИГА I. «ЯВИЛСЯ БОГ СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ...»

* * *

Явился Бог средь бела дня:
«Пойдешь ли, краля, за меня?!
Смотри: я — молод! Я — пригож!
На кузнеца лицом похож.
А что в глазах не тот привет,
Так это, краля, лунный свет!
Ну как?!...»

«Пошла бы я шутя-любя,
Да ласка рыба у тебя!
Не замилуешь у ворот,
Не уведешь за огород...
Ведь ты не парень, ты — Господь!
А нам нужна живая плоть,
Вот так...»

Слегка нахмурился Творец:
«Давай брататься! Эй, кузнец!
Смотри: я — молод, я — пригож,
И на тебя, заметь, похож...
А что в руках не тот привет,
Так мне ведь черт-те сколько лет!..
Ну как?!..»

«Сбратался б я шутя-любя —
Порода рыба у тебя.
Ухватки нет, смекалки нет,
Как за тебя держать ответ?!
Ты — не товарищ, ты — Господь,
А мне нужна мужичья плоть,
Вот так...»

Бог неба, суши и морей
Пришел к худой избе:
«Стань, бабка, матерью моей, —
Возьми меня к себе!..»

Старуха выдохнула: „Ох!..“
Старуха вымолвила: „Бог!
Твоя святая власть...
А я к тебе, мой голубок,
Почти что собралась...“

В кювет присел усталый Бог,
Как старый инвалид,
И начал щупать левый бок —
Не сердце ли болит?!

Но не нашупал ничего.
И понял он тогда,
Что нету сердца у него
И в том его беда.

Тут впору б душу опростать —
А где слезу добыть?!..

Да, человеком трудно стать,
Уж проще Богом быть!

* * *

В глуши веков какой-то Бог,
Душа загадочного неба,
Сошел в селенье — нищ, убог,
И попросил питья и хлеба.

„Ха-ха!!“ — затопал круг мирской, —
Добоговался! Догрозился!!“
И непристойный жест мужской
В глазах пришельца отразился.

„Всё так“ . — Подумал Бог в ответ, —
Зря херувим принес тревогу,
Очеловечен белый свет,
И — слава Богу!“

Но понял Бог вторым нутром,
Что сам попал в свои же сети,
И хмыкнул, явно не с добром:
„Сочтемся, дети!“

Но третий голос тут как тут:
„Пусть божьи молнии не реют!
Прости землян — они растут! —
Авось — дозреют...“

Господь смиренно взор скосил,
И встал в своей одежке жалкой,
И приказал, как попросил:
„Не бейте палкой!..“

И заскучал — внезапно, вдруг,
И на глазах землян разросся,

И — как рассек, раздвинул круг!..
И — воспарил! Исчез! Вознесся!..

* * *

В порыве человеческой простоты
Пристали к Богу: „Всё ли знаешь ты?!..“
Бог отрубил: „Не знаю н и ч е г о.“
И — прокляли. И плюнули в него...
И бросили убойные камни...
Но небо обозначило знаменье:
Младенец, опоясанный змеей,
В слепых слезах явился над землей!..

И накатилось глыбой с высоты:
„Что
 знаешь
 ты?!“

* * *

Поставили Богу дурманый поднос —
Эфирное зелье ударило в нос...
Он поднял священный граненый бокал
Как раз над Сибирью, над скопищем скал:

„Я пью за великий земной поворот:
Пусть правит планетой великий народ!
Великая правда! Великая ложь!
Великие реки! Великая рожь!..

И выпил Всевышний... И бросил бокал...
И в громе родился священный Байкал!..
В движенье и ропот моторы пришли,

И ангел, как робот, налет на рули...

И ангел подумал, свивая спираль:
„О как ты наивен, всезнающий враль!“

* * *

Два близнеца — Господь и Сатана
Хлебнули в полдень теплого вина.
Господь размяк... Залег средь сонных трав...
„Прости, мой брат! — во многом я не прав...“

Взор Сатаны окрасился слезой,
Рыгнул — и даль откликнулась грозой!..
Костлявой лапой стукнула по груди:
„Прости, мой брат! Ругай меня, суди!
Дышу, живу... а как, спроси, живу?!“
И головой склонился на траву...
И братский храп потряс земную тишь!
И замер мир, как пуганая мышь...

В сей плоской басне есть двойное дно:
Не пейте в полдень теплое вино!

* * *

Дьявол хмыкнул и уперся в два бока:
„Ты пошто, поэт, расспросами неволишь?!
Я — дурное настроение Бога!
И не Господа, а боженьки всего лишь!“

Эх, поэтишка! Слезливое око...
Душу рабскую нитьем не обезболишь...
Ты — дурное настроеньице Бога,
И не Господа, а боженьки всего лишь!..“

* * *

Хрупка, пуглива Богородица,
А сын шустер, как ванька-встанька...
Но рядом — карлица, уродица,
Кормилица, заступа, нянька!

Постичь?..Ватки, мази, марлица...
Ах, и пеленочка сырая!
Но рядом — ведьма, злюка, карлица,
Сестра богов, хозяйка рая.

* * *

Когда всосала водяная яма
Весь белый свет, все тяготы его,
Последний ангел захлебнулся: «Ма-ма!..»
Последний демон задохнулся: «Ма-ма!..»
И — на земле не стало никого...

И только лучик нынешней звезды
Коснулся той, ниспосланной воды...

* * *

Гром возревел: „Постигни, но умри!!..“
И Ной увидел в треснувшей волне,
Как в искаженном зеркале времен,
Иной потоп!.. совсем иного Ноя!..
Хотел подумать: „Боже! Это — круг!!..“
И — захлебнулся...

* * *

Ной поджался...Уподобился лисе...
Повозился и забылся... И увидел

Человечка на летучем колесе
И заплакал, словно Бог его обидел...

И поплыл он по планете водяной...
И отдался от и холоду и зною...
„Слышал, видел и — молчу!!!“ — взмолился Ной.
„Слышал, видел и — молчи!“ — сказали Ную.

* * *

И душу, и тело недугом свело.
Лицо уподобилось роже!
И стало в глазах от страданий светло,
И крикнул несчастный: «О Боже!..»

Но грохот сорвался в немереной мгле,
И эхо взревело сиреной!..
«Хо-хо!..» — пронеслось по родимой земле...
«Ха-ха!..» — понеслось по вселенной...

* * *

Сын плотника, придумавшего крест,
Скрипучие качели для Варравы,
Равно и для бродяжки мудреца...

Сын плотника, не жадного на гвозди...
Сын плотника...возможно, что и сын...
Вот был ли плотник плотником!..
Едва ли...

* * *

Когда Христос, иль кто он там еще,
Готовился принять земную кару,
Он как бы уподобился Икару,
Свой птичий лик склоняя на плечо.

Он хищно улынулся нам с креста,
Когда рабы вколачивали гвозди...
Мы, в этом мире, все христовы гости,
Хотя, по сути, не было Христа.

КНИГА II. «Я ДУМАЮ, ИСУС ПИСАЛ СТИХИ...»

* * *

Я думаю, Иисус писал стихи —
Плел сети из волшебной чепухи...
А жизнь Христа — была душа поэта...
Иначе — как?! — откуда бы все это?!..

В кругу слепых болезненных племен
Он, как слепец, питал себя обманом...
И не был ли Иуда графоманом,
Неузнанным Сальери тех времен?!

* * *

Гремучей змеей изогнулся Иисус:
„Что значил без Евы Адам?!
За стон Магдалины, за потный искус,
Я всех вас предаю и продам!..
Чиста ли в разбитом колодце вода? —
Колодец зацвел и протух...
А жажда придушит: лакай — не беда!“
Иудина плоть прошептала: „О да!“
„Умри!“ — воспротивился дух.

* * *

Как любила Христа Магдалина!..
Извивалась под грязным плащом...
Улыбалась похабно и длинно,
И толкала Иуду плечом...
А пустыня, в предчувствии чуда,
Обмирала и куталась в хмарь...
Как любил Магдалину Иуда!..
Как ласкал Магдалину Иуда!!..
Как терзал неподкупную тварь!!..

* * *

Когда тащила римская военщина
Хмельную Магдалину под кусты,
Она уперлась, в ней восстала женщина
Почти непостижимой чистоты.

Она вскричала: „Эти груди тленные
Сам Божий сын вылизывал, как пес!..“
Услышал Некто. Сплюнул во вселенные
И оскорбился, видимо, всерьез.

И тут же застучали топоры
До срока, до положенной поры.
И, устрасая глупого Христа,
Над миром воспарила тень креста.

* * *

И топнул Ягве: „Встань! Очнись, плебей!
Яви, Иуда, преданность сыновью!..“
И страшно крикнул: „Выродка убей!!
Убей урода! — и упейся кровью!..“

* * *

*Друг друга предали...
И сразу — легче стало.*

Иуда — горяч и смугл —
Шагал из угла в угол,
Шагал из угла в угол,
Терзал запотелый ус!..
А мысль долбила по нервам:
„Успеть бы предать *первым!*
Суметь бы предать *первым!*..
Пока не предал Иисус...”

* * *

Переплелись пути добра и зла.
Святой продаст святейшего под мукой.
Пастух — и тот — вонючего козла
С пахучим агнцем спутает „под мухой” ...

Над Иудеей — огненный клубок,
Вокруг пески, шипящие, как щелочь...
И черт-те знает, кто там — полубог,
А кто, простите! — завтрашня сволочь!..

ИУДОВА БАЛЛАДА

Вот еврей еврея продал,
В кошелек награду ссыпал,
Летний дождь на землю выпал,
А казненный — душу отдал.
Но пока еще казненный
Испускал глухие вздохи
Этот самый награжденный

Мыслил так: «Дела неплохи,
Даже очень. И покуда
Живо кесарево слово
Будет жить еврей Иуда
Страж спокойствия земного.
И с чего нам бить тревогу? —
Невредимо, слава Богу,
Наше собственное тело...
А безбожный — душу отдал!...
И кому какое дело,
Что еврей еврея продал?!»

* * *

Иуда взял бездарно — серебром...
Сбил цену на предательство людское...
И праведный над ним разверзся гром!
А взял бы золотом — хоть помер бы в покое.

* * *

Есть версия, о том, что у Пилата
Была ума казенная палата.

Пилату доложили: „Ученик
Учителя запродам.” Тот сказал:
„Ученика повесить, как собаку!”
И уходя добавил: „Я — солдат.”

И много лет протяжно пахнет псиной
То дерево, что мы зовем осинной.

* * *

Всё скрестилось. И Спаситель поднял голову,
Желчным оком разжигая производ...

Как секирой по расплавленному олову,
По глазам первосвященников провел.

„Разве истина в кровавой человечности?!..
Ха! — явились на позор, как на парад!“
И таилось в предвечерней лунной млечности
Ухо Богово — округлый аппарат...

Покатилась иудейская история
Каплей крови по Господнему ребру...
И, похожие на пепел крематория,
Пейсы старцев трепыхались на ветру.

ИНОМИРЕЦ

/триптих-гипотеза/

I.

Над Иудеей, прокаженной и святой,
Над человечьей срамотой и суетой,
Провисло корабля мерцающее дно
И тучей грозовой окуталось оно...
И псевдобога тяжеленная рука
В миг расставанья по-отечески легка...
И псевдочеловек, прекрасный и нагой,
На огненный песок ступил босой ногой...
И хлынул ливень...

II.

„Я — сын Господен! — что тебе во мне?!“
„Нет, погоди. Однажды на войне
/Когда еще у кесаря в опале
Я не был/, мы в шатре походном спали.
И я спросил: как долгод римский век?
Ответил кесарь: „Мир стоит на страхе!
Но помни: розы не растут на прахе!..“
Мне жаль его... Он слабый человек...
А я живуч, коварен и силен,

Мой череп слишком густо заселен
Идеями, угодными судьбе!
Моя удача — кроется в тебе!
Смирись, мой сероглазый пьедестал!..”
„Прости, Пилат! — я так от вас устал!..”
„О, мудрый плут! Я верю в наш венец!
Легенда есть, но надобен конец! —
Эй, стража!..”

Ш.

Что видел Ирод? — только молнию в пыли...
Что слышал Понтий? — только бабий стон земли...
Взглянул с креста Христос на космолетный след,
И сам закрыл глаза. На много тысяч лет.

Книга III. «ЕДЕТ СПАСИТЕЛЬ НА ДРАНОМ ОСЛЕ...»

* * *

Странные слухи о странном после:
Хохот и гогот в народе посеяв,
Едет Спаситель на драном осле,
Едет Спаситель спасать фарисеев...

Пьяным народом гоним и храним,
Ногу поставил в тряпичное стремя...
Бог на осле! И как крылья над ним
Пагубно свищут Пространство и Время!...

* * *

Из песков — жара утробья
Смертной тяготой томит.

И — ледовые загорья
Чужеземных пирамид.

Над загадочным Египтом
Солнца сплюснутый вопрос.
И Божественный постскриптум:
Ослик, Дева и Христос.

* * *

«Такая жуть, такая дичь в пустыне,
Что дьяволом почувствует себя
Не только дух, но даже раб земной...
Эй, — кто живой?!.. Ни ворона, ни крысы...
Гадюка проблеснула по бархану,
Как жалкий отголосок Божьей мысли...
Кто прячется во мгле?!..»
«Я — тень твоя!..
Твоя судьба — по имени Иуда!..
«А-а... Это ты... Меня предупредили,
Что ты живуч... Ты сделаешь свое..»
«Бессмертен дух! — и тень его бессмертна!..
Но тень имеет свойство отделяться...
Да и судьба, как зеркало времен,
Живет своей неуловимой тайной...
Ты знаешь больше, чем дано рабу.
Чтоб не прослыть в легендах слабовольным,
Бог как бы отвергает всю палитру
Полутонов...
Ты понял иудей?..»
Так повстречались Небо и Земля.
Добро и Зло соприкоснули крылья.
Два мира параллельных в одночасье
Пересеклись крестом...

* * *

Сохнут постиранных тучек простыни...
Божий безумец уходит в пустыни...
А по следам боголепного сына
Вяло хромает приبلудная псина.
Ищет безумец блаженное место—
Месит ногами песчаное тесто.
Псина натертую лапу замочит —
В спину Мессии угрюмо завоюет.
Ветры взывают: «Ах, дети вы дети!
Дети вы, дети! — куда же вас дети?!..
Все мы срамны в этом мире убогом,
Все мы равны перед Господом Богом...»
Ветры по-бесью пески подвывают...
Да в занебесье свищи подвывают...
Так и бредут — обреченные, в паре —
Две сироты... Две безумные твари.

* * *

Рыжий апостол — замызган и бос —
Задал Учителю робко
Самый существенный полувопрос,
Глупый, как пробка:

Если развернуться хляби и Суд
Всех безымянных разбудит?!..»
«А-а, ерунда! — усмехнулся Исус. —
Хуже не будет...

Видишь? — и месяц прощально поник,
Но от него не убудет...»
«Благослови! — прошептал ученик,
— Хуже не будет...»

* * *

На драном лужке в Гефсиманском саду
Сбивались в бараний кружок,
А солнечный спрут в этом райском аду
По-черному жег.

Бесполье юноши вякнули тост
Во здравие рек и хлебов.
«Была бы любовь!» — отозвался Христос, —
«Была бы любовь!»

Лягушечья желчь исторгалась из уст,
Дымилась испарина лбов...
«Была бы любовь!» — отмахнулся Иисус, —
«Была бы любовь!...

Вселенская ржа не имеет границ!
И только любви — не распять!..»
А странное облако, падая ниц,
Взмывало опять...

* * *

Говорил Назарянин блуднице:
«Замоли перед Богом грехи,
Припади к сероглазой божнице —
К неземному зеркалу реки...

Та река непомерно глубока,
Меж пустынных течет берегов,
В ней глаза несравненного Бога
Потемнели от ваших грехов...»

И склонилась нагая блудница
К роковому зеркалу реки...
И темнела, чернела божница
От простертой греховной руки...

* * *

Он ей сказал: «Не бойся, ты — жена.
Достоинства мужского половина».
И обвила блудницу тишина,
И эта тишина была невинна.

Он пояснил: «Господние уста
Общаются с объектом бестелесно.
Ты — мотылек, взлетающий с куста,
Твоя любовь мгновенна и безвестна...»

Сказала дева: «Гефсиманский сад —
Всевышнее томительное поле!..
Ты дал мне жизнь...Возьми ее назад...
Я мотылек, я — бабочка, не боле...»

Стоял июль на солнечных часах,
Еще вовсю пускала соки плаха,
И тихий ангел плакал в небесах,
Как тайная невидимая птаха...

* * *

Внимал Иуда чуждому Христу:
«...познавший грязь — познает чистоту...»
Мрачнел Иуда: ха! — нагая ложь...
«...познав суму, богатство обретешь...»
«...в клубке смертей — бессмертной жизни свет...»
Клубок сетей на целый белый свет!...

* * *

«Будь счастлив!» — пожелал Христос Иуде.
Тот усмехнулся: «Вот так мышь на блюде!..»
Был слеп осел в своем ослином счастье,
А что в итоге, кроме волчьей пасти?..

Остались от счастливица — хвост и грива...»
«Пожалуй так», — сказал Христос игриво.

* * *

Христос врубил вопрос ребром,
Спружинил, как змея:
«Предашь — заплатят серебром,
А у тебя — семья!...

Пусть для землян ты будешь тать,
Пусть пострадает плоть...
Но я молю тебя предать! —
Так повелел Господь!!...».

Иуда взмок...рванулся вон —
В слепое пекло дня...
Его ловил тоскливый стон:
«О брат! — предай меня!...».

* * *

Над Иудеей — ночная дрожь.
Мерзлая площадь. Бугры халуп.
Пасынок молит: «Прикончим ложь!»
Отчим смеется: «Ты слаб и глуп!»

Северный ветер. Не повезло.
Месяц от стужи не рыж, а рус...
Пасынок молит: «Прикончим зло!»
Отчим смеется: «Землянин! Трус!»

Настежь раскрыты глаза планет.
Пасынок вскрикнул: «Старик и жмот!»
Замерло Небо. Ответа нет.
Замерло Время. Стоит и ждет.

* * *

Прогнозировал всеми фибрами
Утопическую идею,
Зашифрованными верлибрами
Зачаровывал Иудею.

Но — кишело людское логово.
Но — дороги легли крестово.
Стало ясно, что Богу — Богово,
А бродяге Христу — Христово.

Книга IV. КРЕСТ

* * *

Листва в Иудее опала...
Бездомье пришло и опала —
Вся крыша судьбы протекла...

Он молвил: «послушай, Иуда! —
Теперь мне действительно худо, —
Рискни, приюти до тепла...

Мне худо, ты слышишь, Иуда?
Что далее — голод, простуда,
И может быть, даже — арест!..»

Иуда взмолился: «Учитель!
Ты — мученик наш и мучитель!
Спасенье для гения — крест!..»

Без лишних упреков и прений
Ушел успокоенный гений,
Убрел от людского тепла...

А зимней природы опала
Дождями и снегом опала...
Вся крыша судьбы протекла!..

* * *

*Иисусе на плахе
От пылающих глаз Сатаны
Глаза отвел...*

Возник земной искус
В зеленой сини:
Глазастый Иисус —
Господен сыне.
Духовностью влеком,
С мечтой о благе,
Ступает босиком
По теплой влаге.
Светлейший луч сквозной —
Его молитва,
Что ангельской слезой
В пути полита.
С восхода отдан весь
Цветам и гнездам, —
Несет земную весть
Господним звездам.
Кто воет позади?! —
Шакал ли? — Бес ли?!
Казни, но пощади,
Отец небесный!
Удушья тяжкий слой.
Тяжелый въздых.
И дьявольской хулой
Оплеван въздых.
.....
Иуда — темнолиц,

Как ствол осины.
Огневолосый лис
С глазами псины.
Он любит звон ключей
И куш случайный.
Иуда — казначей —
Общинник тайный.
На вечное житье
Судьбой опознан.
Он ученик ее,
Ее апостол.
Не клонится к вину,
Не знает гнева.
Но любит он одну...
О Божья дева!!
Он свят. как благодать.
Он гибче йога.
Что может он отдать? —
Лишь только *Бога*.
Шепнул полночный дух
Обняв Иуду:
„Ты есть один из двух! —
Я с вами буду“.

.....
Ах, стыдно неземной,
Летучей птахе
Почувствовать спиной
Всю тягу плахи!
А плоти жалкий стон?!
А слезы злые?!
Небесной жизни сон.
И сны земные.
В забвенье пал гонец.
Душа молчала.
Вот миг, когда конец
Явил начало.
Ты выпал из гнезда,
Птенец вселенной! —
Твоя душа — звезда

Во тьме нетленной.
Под млечностью кадил
Завис над бездной.
Казнил, но пощадил
Отец небесный.
Постиг земную суть —
Пылают кости.
В глазницах — Млечный путь.
В запястьях — гвозди.

.....
Как лунное кольцо,
Как лик божницы,
Надвинулось лицо
Былой блудницы.
От Млечного Креста
Неотдадимы —
Молящие уста,
Сны Магдалины.
Ни дева, ни жена, —
О Божьем сыне
Печалится она —
Дитя пустыни.
Меж чахнущих хлебов —
В захлестах смога —
Зовет свою любовь —
Живого Бога.
Зовет душа — не плоть, —
Так зычут гуси:
„Сойди ко мне, Господь!
О Иисусе!“
А вечности шуга
Воняет тиной.
И адская дуга —
Над Палестиной.

* * *

Сочатся медовые луны,
Иудово племя хмеля,
Полны виноградные чаши,
Пусты виноградные лозы...

И чудится голос Адама:
«Помилуй, зверину, меня,
Исусе сладчайший и горький,
Что зимние слезы».

Взошли под луной
Отдаленных дождей зелена,
И всхлип соловья
Повторяет сердчишко мимозы.

Сухой, как земля, тугой, как змея,
Иуда безумен
В изломе священного транса,
Он тайной гортанной клеймен,

И ходит по кругу
Сладчайшая чаша
Пространства,
Горчайшая чаша
Времен.

* * *

Запричитал Иуда:
«Только я любил тебя!
Так мудрая змея
Младенца человеческого любит,
И кольцами теснейшими голубит.
Чтоб не был ты наивен и смешон
На ложе нашей пагубной подружки
Я! —

воровато поднял капюшон
Пошел и предал тайные пирушки!
Чтоб не томился ты, как Божий перст,
Земное горе не хлебал горстями
Я! —
проводил тебя на божий крест,
Прибил к покою Божьими гвоздями!

Учитель!
Что же делать мне теперь?
Стонать и выть, как проклятому зверю?..»

И он завыл, тихохонько, как зверь...

И я поэт, ему, как зверю, верю.

* * *

На Голгофском холме закачалась крепленая кресть.
Скрежетали во мгле растревоженных высей кресала.
Принял казнь на земле, дабы райскую силу обрести.
Отмирали глаза, но душа в сей же миг воскресала.

Вспыхнул голос небес и в дурманских долинах потух:
„Трепещите, стада! — Был я пастырем грозным — и буду!
И шепнула палачу Иисус, испускающий дух:
„Отойди...не мешай...я спешу...я молюсь за Иуду...“

* * *

Да рухнет груз веков на черепушку плотника,
Который обтесал корявый этот крест! —
Ни среза под спиной, ни ямки подлокотника...
Видать всему виной чумной небесный трест...

В мертвецкие пески — по облачному распаду —
Уносит Херувим хрустальный стон в горсти:
„Иудушка, прости! — Ты верой служишь Господу!..
За дьявольский искус, Иудушка, прости!..“

Прохрупали грома преломленными сучьями.
Уже распята мысль. И лопается сердь.
И праведный палач познал глазами сучьими
Смещение времен, где имя Жизни — Смерть.

* * *

Покуда шли суды да пересуды,
Пока писалось тридцать три листа,
Христос признал земную суть Иуды,
А тот признал небесного Христа...

И на кресте воскликнул обреченный:
„Ты весь во мне, как ласточка в огне!..“
И повторил предатель обличенный:
„Ты весь — во мне...“

Братались кровью рай и преисподня,
Прощаясь и прощая болево:
Простил Господь предателя Господня, —
Постиг предатель Бога своего...

* * *

Пышных сионских мужей телеса.
Стаи летучего гнуса.
Слышат ли в гибельный час небеса
Боль Иисуса?!

Каплет на голову птичий помет.
Ужас клубится под кожей.

Жалостный Ангел над ухом поет:
„День-то — погожий!”

Если бы смог Ты — без ангела — сам —
В день этот синий влюбиться!
Но вознеслось и ушло к небесам:
„Сыноубийца!”

Бьется на плахе безумный истец —
Выгнул костлявую спину...
Сполохом молний ответил Отец
Блудному сыну!

* * *

Сквозь предсердье прямо в сердь,
В сердце, вскормленное кровью,
Как змея, проникла смерть,
Нареченная любовью.

Из пробитых смертью рук,
В том забвении глубоко,
Уходила, как недуг,
Жизнь, дарованная Богом...

Стулки сдавленных зубов...
Боль посмертного оскала...
Так отцовская любовь
Сына Божьего ласкала.

* * *

И кровь, и пот...
Святые муки...
И над, и под —
Сквозные муки...

А гогот рыл
Страданья множит...
Христос — бескрыл, —
Взлететь не может...

Уже прелюд! —
Вершина боли!!..
Ах, глупый люд! —
Ослепли б, что ли...

Но туч клубок
Назад вернулся, —
Как видно Бог
Уже очнулся:

«Ты, что — бескрыл?!
Побойся Бога...
Ну?! — воспарил?!..
Еще немного!...»

* * *

Говорит Иисус Христу:
«Ты предал мою плоть кресту
В этом сдавленном адском круте!

Там, где Бога увидел ты, —
Вижу я сатаны черты, —
Осязаю на горле руки...»

Отвечает ему Христос:
«Я лопатками в бездну врос! —
Тесно мне в человеческой шкуре....

И тебя я предал кресту,
Потому что дано Христу
Смерчем быть во вселенской буре!...»

И вздохнуло нутро раба:
«Да, своя у богов судьба...»

* * *

Кровяные плащаницы облаков.
Млечный Путь, — как чужеземный амулет.
И похрустывает ржавчина оков
На живых мощах — на щиколотках лет.

Бог смеется: „Видишь, сыне?! — мир таков...“
Дьявол хнычет: „Настрадались мы уже!..“
И похрустывает ржавчина веков
На Христовой — обезглавленной — душе.

* * *

Все небо духи перегладили
Каленым адским утюгом.
А Бог завис на перекладине
В астрале смрадном и тугом.

Слепой слезой Земля отплавала...
Ликуй, Галактика! — труби! —
Убит Господь руками Дьявола —
Во имя Веры и Любви.

КНИГА V. «В ПУСТЫННОМ ПЕСКЕ ЗАБВЕНЬЯ...»

* * *

Сцепили земные звенья,
Глумясь, подвели итоги...
В пустынном песке забвенья
Христос омывает ноги...

Грядущих веков затмения...
Грядущих миров разрухи...
В пустынном песке забвенья
Христос умывает руки...

* * *

Это кличет в проводах сирий ветер...
Это жалобно зовут, зычут гуси...
Это сказка для детей: «Мир наш светел!...»
Это сказка для людей — «Иисусе...»

Оземлился на мистическом блюде,
И века застопорились, провисли...
Ты кочуешь на облезлом верблюде
По барханам человеческой мысли...

Где оазисы Любви?! — поищи-ка...
Не порхает ли вдали Божья манна?...
И песчинку пожирает песчинка
Под стопами Твоего каравана.

* * *

Преткновенья Камень,
Ты — сродни горбу.
Камень — в стенах камер,
Камень — на гробу...

Все под грузом канем,
И — душа чиста...
Самый тяжкий камень —
На спине Христа.

* * *

Иусов было семеро —
В глазах стояла стынь.
Пришли Иусы с Севера,
Из северных пустынь.
Сошли в пустыни южные
Вселенной лепестки...
За ними плыли вьюжные
Смиренные пески.
Иусы были жалкими
Среди земной среды.
Иусов били палками,
Лизали их следы.
Счастливыми слезинами
Светились их глаза,
Свистела над низинами
Вселенская гроза.
И лето жгло безводное,
И был дикарь живуч,
И тело инородное
Следило из-за туч.
Пришли Иусы с Севера,
Где ни снегов, ни льдин.
Иусов было семеро,

А облик-то — един!
И в том едином облике —
Зерцале бытия,
Как в нелюдимом облаке,
Таится боль моя...
Таится жизнь моя...
Таится смерть моя...

* * *

Простим тому всеславному индусу,
Что процедил, стирая пот со лба:
„Лишь тень Иисуса верила Иисусу
И шла за ним до смертного столба..”
Он ошибался, тот восточный гений,
Не ощутил связующую нить,
Ведь жизнь Иисуса не имела тени,
И смерть Иисуса не имела тени,
Чтоб тенью этот мир не осквернить.

ПОСЛЕКНИЖИЕ. «ПОЭТ И БОГ»

* * *

Поэт и Бог скитаются по свету —
Без денег, без повозок, без поклаж.
Сума и посох — как судьба поэту,
А Богу — блажь.

„Омойтесь, гости! Отдохните с нами!..”
Забулькает в котле ягничий бок.
Закусывают молча с чабанами
Поэт и Бог.

Высотные дуга. Снега и льдины.
Седые волкодавы давят блох.
И чудится, что в помыслах едины
Поэт и Бог.

* * *

Под выдохи Ильи-Громова
Журчала речь — небесная водица:
«Ты должен умереть, чтоб возродиться —
И жить — века...

Ищи, поэт, свой крест или осину! —
Из мук произрастают имена!..
Так пасынку...то бишь, земному сыну,
Я нашептал в былые времена...»

Под выдохи Ильи-Громова
Журчала речь — небесная водица...
Взгрустнул поэт...Ах, дернул черт родиться!...
Прожить бы день...На что ему века?!

* * *

Набухли вселенские дрожжи —
Все месится тесто...
Покинь крестовину, о Боже! —
Отдай мое место!..

Я тоже гвоздями изранен,
И отступа негу.
Будь щедрым, Иисус Назарянин! —
Дай место поэту!

* * *

Облачные роспади.
Лик луны — белес.
Засвети, нам Господи,
Троицу берез!

Вечная дороженька.
В небе — ни души...
Озари нас, Боженька! —
Страхи приглуши...

То ли ветер мается
Во поле пустом?!
То ли Божья Мамица
Стонет под крестом?!

Облачные роспади.
Млечный Путь — белес...
Плачу, сын твой, Господи,
Кровью, вместо слез...

* * *

Всё больше морщинок на старой Луне,
Эпохи спешат, семена...
Подайте, подайте беспутному мне! —
Во имя святого меня!..

Гнидую картошку пекут на золе
Бродячие ангел и бес...
Подайте, подайте беспутной земле
Во имя святейших небес!..

* * *

«Отче!...

Хочу оторвать от земли преклоненные очи...»

«Сыне! —

Ты можешь ослепнуть от солнечной праведной сини!...»

«Отче!...

Дозволь заглянуть в непроглядные пропасти ночи...»

«Сыне! —

Душа охладится от лунной губительной стыни...»

«Отче!...

Какая дорога к тебе по-земному короче?»

«Сыне! —

Последуй за тем, кто блуждает в житейской пустыне...»

«Мне стыдно, Отец мой...

Я глаз от земли не подымаю...»

«Люби свою землю!..

Люби свою землю!..»